

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
РО–ДОО ВО «Санкт-Петербургская Духовная
Академия Русской Православной Церкви»
кандидат богословия, кандидат исторических наук
протоиерей К. А. Костромин

К. А. Костромин

«16» января 2019 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Религиозной организации –

**духовной образовательной организации высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»
на диссертацию протоиерея Вадима Геннадьевича Суворова
«Учение о первенствующем епископе
в русском православном богословии в XX веке»,
представленную на соискание учёной степени доктора богословия
по специальности «богословие»**

Представленная на отзыв диссертация посвящена осмыслению проблемы общецерковного первенства в Православной Церкви в русской богословской мысли XX века. Сам вопрос о первенстве на «вселенском» (общеправославном) уровне в той форме, в какой он стоит сегодня и, соответственно, рассматривается в настоящей диссертации, представляет собой явление сравнительно новое. Падение Константинополя в 1453 году дало начало постепенному формированию двух богословских школ, каждая из которых имела свою предысторию, однако с этого момента начала качественно разный путь своего развития. Именно в новой парадигме русско-константинопольского диалога, проходящего на фоне специфических процессов нового времени, затрагивающих и Церковь (центробежные процессы, «атомизация» общинного бытия, видимая разобщённость Церкви на фоне консолидации секулярного мира и проч.), встаёт вопрос о противодействии влиянию мира на Церковь и о видимых формах свидетельства кафоличности и единства Церкви. В Константинопольской Церкви формируется собственное видение решения поставленных вопросов,

в своей основе сводимое к идее особой связующей роли Константинопольского патриарха в жизни католической Церкви. Активный процесс богословского осмысления русской мыслью предложенной темы начинается в XX веке, после совершения Константинопольским Патриархатом ряда практических шагов (канонически незаконных и догматически сомнительных), воплощающих намечаемую им богословскую программу. Периодически конфликтный диалог Русской и Константинопольской Церквей, так или иначе связанный с темой всеправославного первенства, становится в XX веке важной составляющей общеэклизиологической проблематики, вышедшей к этому времени на передний план богословской мысли. Сказанное определяет особую **актуальность** темы диссертации (соответствующую уровню и масштабу докторской степени), учитывая, в том числе, окончательную нерешённость изначально поставленных вопросов: эффективная критика теоретического и практического «богословия Константинополя» в течение всего XX века зачастую сочеталась с недостатком «позитивного компонента», то есть альтернативных моделей устройства Церкви с учётом реалий современного мира.

Структура диссертации в целом логична и соответствует поставленным автором задачам. Диссертация состоит из Введения, восьми внутренне рубрицированных глав, Заключения, списка сокращений и списка библиографии. Каждая глава и её внутренние подразделы сопровождаются заключением, содержащим краткие, но при этом обстоятельные выводы. Всего библиография насчитывает 376 наименований, включая многочисленные источники, в том числе архивные материалы, официальные документы (Русской и Константинопольской Церквей, а также Римско-Католической Церкви и православно-католического богословского диалога), православные и инославные исследования, в том числе литературу на иностранных языках.

Раскрывая обозначенную тему, автор обстоятельно и последовательно исследует взгляды представителей русского богословия на предложенный Константинопольской Церковью вопрос первенства («первенствующего епископа») в общеправославном масштабе, хронологически начиная от зарождения ключевых для этого вопроса тем на рубеже XIX–XX веков, и заканчивая ответной реакцией русской мысли на последующие вызовы со стороны Константинопольской Церкви, вплоть до последней четверти XX столетия.

В 1–3 главах диссертации автор охватывает первую четверть XX века, посвящая их, соответственно, предыстории вопроса о первенстве в русском богословии (на рубеже XIX–XX веков), его обсуждению в дискуссии о реформе высшего церковного управления на Поместном Соборе 1917–1918 гг. и проблеме первенства в документах св. патриарха Тихона. В данных главах обозначается основной круг тем, связанных с проблемой «всеправославного первенства», в том числе (и прежде всего) связанных с реакцией Русской Церкви на притязания константинопольских патриархов на те или иные формы «вселенского главенства» над Церковью, обсуждение которых прошло через весь XX век: толкования 34 апостольского правила и 7 правила Антиохийского Собора, 28 правила Халкидонского Собора, соотношения и роли территориального и национального факторов в устройении автокефалий, управления диаспорами; соотношения организации местного, окружного (митрополий), автокефального и вселенского масштабов бытия Церкви; характера отношений, взаимных роли и места примаса и Собора; взаимоотношений епископа и церковного народа в устройении церковной жизни. В этих главах автор убедительно показывает последовательную позицию Русской Церкви на стадии её начального формирования, несмотря на ряд объективных трудностей, сопровождавших этот богословских процесс.

Последующие 4–5 главы, детально рубрицированные и составляющие наиболее значительный объём диссертации (более половины), посвящены персоналиям – виднейшим представителям русского богословия, уделявшим значимое внимание вопросу о «первенствующем епископе»: протопр. М. Польскому, архиеп. Нафанаилу (Львову), прот. С. Булгакову, А.В. Карташёву, протопр. В. Зеньковскому, ппротопр. Н. Афанасьеву, протопр. А. Шмеману, протопр. И. Мейендорфу, патр. Сергию (Страгородскому), С.В. Троицкому, схиархим. Софронию (Сахарову), архиеп. Василию (Кривошеину). Авторская классификация распределяет их на три типологические группы: «карловацкую», «евлогианскую» и представителей Московского Патриархата. На основании проведённого анализа обширного числа источников автор выделяет типологические акценты и особенности богословия каждой из групп; с другой стороны, им выделяется общее «ядро» для всех групп, представляющее собой, по мнению автора, позицию русской богословской школы как таковой по исследуемому вопросу. Такой подход типологизации представляется в достаточной степени оправданным и эффективным, прежде всего, учитывая задачу *аналитической обработки, систематизации и классификации столь значительного материала*, включающего не только

собственно богословские работы исследуемых персоналий (список которых сам по себе весьма обширен), но и множество официальных документов, а также практические шаги со стороны Константинопольского и Московского Патриархатов и их представителей, рецепция которых имела место в данных трудах.

Пятая глава, посвящённая богословию представителей Московского Патриархата, включает также подразделы (5.3, 5.5), посвящённые, соответственно, итогам работы *Совещания Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей (Москва, 1948 г.)* и *проекту резолютивных документов Комиссии при Священном Синоде Русской Православной Церкви по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора (1968 г.)*, разработанному под общим руководством митр. Никодима (Ротова). Представленные в этих подразделах материалы (посвящённые антилатинской тематике доклады архиеп. Гермогена (Кожина) и протопр. Гавриила Костельника на Совещании 1948 года и коллективный труд Комиссии в 1968 году, представляющий в целом традицию проф. С.В. Троицкого) представляют *важные свидетельства позиции русской богословской школы в различных условиях* межцерковных, межпоместных и церковно-государственных отношений.

Шестая глава посвящена отклику русских богословов, таких как К.Е. Скурат и протопр. И. Мейендорф, на крупный труд богословского, канонического и исторического характера константинопольского богослова митрополита Сардийского Максима «*Вселенский Патриархат в Православной Церкви*», изданный в 1975 году. По справедливому мнению К.Е. Скурата, анализ позиции которого представляет значительный объём данной главы, аргументация митрополита Максима, защищающая идею «*вселенского первенства*» константинопольского патриарха, «*строится либо на цитатах из посланий и актов самой Константинопольской Патриархии (что не может трактоваться как непререкаемое выражение общеправославной позиции), либо исходит из прецедентов, объясняющихся историческим положением Церквей, оказавшихся под властью турок*». Автор диссертации отмечает, что труд митр. Максима и ответная реакция на него стали важной вехой *взаимного научно-богословского обсуждения* проблемы первенства епископа на вселенском уровне со стороны представителей обеих школ, константинопольской и русской.

Седьмая глава посвящена освещению *русской богословской позиции в официальных документах* Русской Православной Церкви, представляющих

реакцию и протесты на действия Константинопольской Церкви по практическому утверждению идеи «вселенского константинопольского примата». На основании анализа представленных документов, в диссертации показывается определённая прогрессирующая динамика как константинопольской, так и русской богословской позиции, упрочение понимания системности того и другого взглядов, формирования их глубокого богословского «базиса». Русская официальная позиция, как показывает автор, в целом выражает представленные выше подходы русских богословов разных направлений, за отдельными исключениями.

Восьмая и заключительная глава посвящена влиянию русского богословия по вопросу о первенствующем епископе (и отношении «примас – Собор» в целом) на римо-католическую эkkлезиологию в XX веке, прежде всего, II Ватиканского Собора. Автор подробно анализирует различные документы II Ватиканского Собора, влияние на них представителей евхаристической эkkлезиологии, а также те точки соприкосновения, опираясь на которые, можно выстраивать перспективные направления межконфессионального диалога по проблеме вселенского первенства.

Характеризуя диссертацию в целом, можно отметить, что она даёт широкую и весьма обстоятельную картину богословских представлений (в том числе в их развитии и взаимном влиянии на протяжении XX века) русских авторов по проблеме «первенствующего епископа», преимущественно в контексте, характерном для современности (т.е. в контексте полемики с константинопольским богословием). Эта картина обстоятельно аналитична и, вместе с тем, представляет собой добротный синтез обширного богословского, а отчасти и историко-канонического материала. Автор учитывает и подробно рассматривает различные аспекты, теоретически и практически связанные с проблемой «первенствующего епископа» во вселенском масштабе Церкви.

Стоит заметить, что осмысление русской богословской мыслью проблемы «общеправославного первенства» на протяжении всего XX века своей наиболее сильной стороной представляет критическую, «отрицательную» часть по отношению к константинопольской мысли. *Положительное систематически целостное учение о кафолическом устройстве Церкви* полагается скорее делом будущего; как представляется, русское богословие XX века предлагает лишь отдельные элементы ещё не сформированной общей картины. Учитывая это обстоятельство, авторский

подход осторожен: давая широкую картину взглядов русского богословия XX века на проблему «вселенского первенства», автор как правило воздерживается от фундаментальных богословских обобщений и личных оценок общеконцептуального масштаба. Такую позицию можно полагать не столько недостатком, сколько достоинством настоящей работы. Автор неизменно стремится к интегральному видению комплекса мнений представленных в диссертации русских богословов. Его взвешенность и стремление к максимально возможному примирению различных позиций похвальны и представляют собой прекрасный образец корректности научного подхода.

Вместе со сказанным, следует отметить и некоторые **замечания** к настоящей диссертации:

1. Труды собственно русских богословов XX века, посвящённые вопросу первенства в Церкви, в библиографии отнесены автором в раздел «Православная литература», тогда как скорее следовало бы поместить их в раздел «Источники». Собственно, раздел «Источники» содержит список официальных документов и выступлений иерархов Русской Православной Церкви; такой список, соответственно, можно было бы выделить в отдельный библиографический подраздел, например, «Официальные документы» или «Официальные документы РПЦ».

2. Вероятно, наиболее существенное замечание состоит к акцентированной симпатии автора в отношении к некоторым, далеко не бесспорным, положениям доктрины евхаристической экклезиологии, выражаемым такими богословами как протопр. Н. Афанасьев и, особенно, протопр. А. Шмеман. На основании их критики (которая, в свою очередь, встречает аргументированную критику уже в свой адрес со стороны позднейших богословов), ряд ценных мыслей представителей альтернативной богословской школы (прежде всего, С.В. Троицкого и схиархим. Софрония (Сахарова), а также прот. М. Польского и некоторых других) объявляется в работе «несостоятельными».

Пояснение. В качестве примера приведём один из фрагментов диссертации (то, что подобный взгляд является последовательной позицией автора в отношении принятия аргументов о. А. Шмемана, расширенной трактовки 34 апост. правила с пролонгированием его до

вселенского масштаба Церкви и непринятия *догматических* аргументов С.В. Троицкого и о. Софрония (Сахарова), свидетельствует целый ряд аналогичных мест (с. 18, 214, 319-320, 334, 354-356, 358, 578, 619, 650 и др.): **«Богословы «московской» ориентации... настаивали на том, что 34-й Апостольский канон относится исключительно к поместному уровню автокефальной Церкви и в принципе не может быть распространен на вселенский уровень. Существование вселенского первоиерарха с полномочиями, предусмотренными 34-м Апостольским канонном, эти богословы отождествляли с различными ектлезиологическими и триадологическими ересями — папизма, субординационизма, дуализма. Несостоятельность данной точки зрения была убедительно доказана богословами «евлогианской» ориентации (прот. А. Шмеманом, прот. И. Мейендорфом и др.) Богословы данной группы исходили из того, что на 34-м Апостольском правиле основана каноническая структура современных Поместных Автокефальных Церквей, административно не зависимых друг от друга. Существование (же) в Поместных Церквах своих первоиерархов не может однозначно отождествляться с «папизмом», «субординационизмом» или «дуализмом»»** (с. 650).

Следует заметить, что главный автор защищаемой в диссертации аргументации – протопр. А. Шмеман – исходил из характерного для концепции евхаристической ектлезиологии тезиса о принципиальной *органичности* лишь ектлезиологического уровня местной евхаристической общины во главе с епископом, тогда как богословы данной группы исходили из альтернативного понимания кафелического устройства Церкви как принципиально единого организма, в котором любой локальный уровень ектлезиологического бытия (от местной до автокефальной Церкви) мыслился бы как часть этого целого организма. Для о. А. Шмемана и др. представителей евхаристической ектлезиологии такой подход совершенно неприемлем в силу отождествления ими ектлезиологического и сакраментального (евхаристического) бытия, каковое тождество, по их мнению, и сообщает само по себе всецелую кафеличность каждой местной Церкви, делая, таким образом, *локальный (общинный) уровень принципиально ничем не отличимым от вселенского* (эти ключевые тезисы евхаристической ектлезиологии не являются априори верными и находят аргументированную критику в современном богословии). Т.о., если для о. А. Шмемана обвинения в «папизме», «субординационизме» или «дуализме», выдвинутые против общеправославного первенства, *автоматически становятся таковыми же обвинениями и против*

первенства в масштабах автокефальной Церкви или даже митрополичьего округа (из чего, согласно его мысли, становится видна их абсурдность), то для С.В. Троицкого, о. Софрония (Сахарова), и других богословов той же школы, резонно это далеко не так. Совершенно напротив, их понимание кафолической Церкви как единого органического целого и, соответственно, всякого иного локального уровня экклезиологического бытия (от местной до автокефальной Церкви) – как частей этого целого, позволяет говорить о невозможности двух глав единого целостного организма (дуализм) или о невозможности возведения части до ранга целого (субординационизм).

Казалось бы, как и считает автор диссертации, *«Шмеман справедливо указывает на то, что органический характер местной Церкви как основы единства не может быть перенесен на Церковь Вселенскую, ибо в этом случае она превращается, по сути, в одну огромную местную Церковь, требующую одного епископа как центра и источника полноты Церкви, а это приводит к папизму»* (с. 358). Но такой аргумент был бы верен в одном случае – в случае полного отождествления устройства локального и вселенского масштаба Церкви (а именно эту мысль и отстаивает евхаристическая экклезиология). При опровержении ключевой идеи евхаристической экклезиологии (Евхаристия и Церковь тождественны) будет упразднена и эта «база», т.е. промежуточный тезис (о тождестве устройства кафолического и локального масштаба Церкви); а при устранении «базы», будут упразднены и выводы («идея вселенского организма ведёт к идее папизма»).

3. Можно указать и на наличие некоторых эпизодических противоречий в тексте диссертации, возможно, отчасти обусловленное недопониманием со стороны автора контекста общей (в рамках экклезиологии, да и вообще богословия XX века) полемики между направлениями неопатристического синтеза (отстаивавшего т. наз. «универсалистскую» экклезиологию) и евхаристической экклезиологии.

Так, например, на с. 568 (ср. также с. 636) автором верно подмечена ценная антиномическая мысль архиеп. Василия (Кривошеина) о тождественности и одновременной нетождественности Поместных Церквей к кафолической полноте Церкви. Представляет интерес для него и критика владыкой Василием позиции евхаристической экклезиологии, сравнение её с савеллианством в аналогиях с троическим богословием. Автор называет мысль архиеп.

Василия «одной из самых удачных в русском православном богословии» (с. 568) по объяснению троической аналогии Церкви, не замечая того, что у о. Софрония (Сахарова) присутствует совершенно подобный антиномизм, который автор, напротив, представляет противоречием его собственного богословия (с. 558 и др.), не усматривая в этом противоречии необходимо богословский характер, в отличие от того, как это делает в отношении мысли владыки Василия.

Ниже автор утверждает, что «*В своем учении о первенствующем епископе архиепископ Василий (Кривошеин) следует евхаристической экклезиологии — общей для богословов русского зарубежья «евлогийанской» ориентации (Шмемана, Мейендорфа и др.)»* (с. 577). Такое утверждение представляется, по меньшей мере, спорным, а оценка вклада владыки Василия в исследуемый вопрос — отчасти противоречивой.

4. Исходя из вышесказанного, можно отметить как общий недостаток диссертации — *слабость некоторых богословских оценок, прежде всего, связанных с лояльным (и даже положительным) отношением авторской позиции к расширительным толкованиям 34 апостольского правила с прологнацией его до идеи «вселенского первенства»* русскими представителями «евлогийанского» направления (прежде всего, представителями евхаристической экклезиологии; но есть и исключения в этой группе, как справедливо указывает автор диссертации, например, мнение патр. Сергия (Страгородского)¹). Подобную позицию автора можно полагать некоторой уступкой «константинопольскому взгляду», с чем трудно согласиться.

5. Стоит заметить, что при постановке более глубоких задач (в целом выходящих за рамки задач настоящей диссертации), а именно задач интегрального видения проблемы «вселенского первенства» *в контексте общецеклезиологической проблематики современности*, предложенная автором классификация взглядов русских богословов по проблеме первенства (сама по себе, как говорилось выше, вполне оправданная в рамках настоящей диссертации) потребовала бы некоторого уточнения или

¹ На типологическую близость которого к направлению евхаристической экклезиологии указывается здесь: *Легеев М., свящ.* Отдельный человек как церковь и его границы // Материалы ежегодной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской Духовной Академии. Материалы международной конференции «Приходское служение и общинная жизнь». СПб.: Изд-во СПбПДА, 2015. С. 149-150.

коррекции. На наш взгляд, прежде всего, эта коррекция затронула бы представителей евхаристической эkkлезиологии (составляющих очевидную оппозицию движению неопатристического синтеза в XX веке), которых стоило бы выделить в совершенно особую группу; родство этой группы с константинопольским взглядом на суть исследуемой проблемы, как представляется, может быть более глубоким, нежели только внешний признак принадлежности константинопольской юрисдикции, на котором концентрирует своё внимание автор диссертации (полагая, что взгляд этой группы *«продиктован в значительной мере юрисдикционной принадлежностью, а не объективными соображениями»* (с. 590)).

б. В качестве некоторого замечания можно указать на то, что в диссертации можно встретить единичные случаи недостаточно чёткого отношения к понятийному аппарату современной эkkлезиологии, вольного обращения с терминологией (что, впрочем, характерно для многих представителей богословия XX века и современной эkkлезиологии в целом). См., например: *«Мистически-сакраментальная сущность Церкви»* (с. 648).

Необходимо отметить, что сделанные замечания не умаляют ценности настоящей диссертации и её фундаментального значения в качестве первого обстоятельного труда по столь ключевой для современной церковной мысли теме. Сам масштаб выбранной темы, предполагающий лишь путь к интегральному и целостному видению предельных вопросов, связанных с устройством Церкви, намеченный богословием XX века, предполагает, вместе с тем, и наличие определённых ошибок и будущих дискуссий, в том числе во внутренних рамках русского богословия. Таким образом, замечания касаются достаточно локальной области на фоне общего масштаба работы и носят преимущественно рекомендательный характер для будущих научных исследований автора.

Научная новизна исследования состоит в фундаментальном обобщении, систематизации, аналитической классификации обширного материала, представленного различными течениями русской богословской мысли XX века, а также документами Русской Православной Церкви, посвящённого вопросу «первенствующего епископа» во вселенском масштабе Церкви (в контексте наметившихся и сформировавшихся разногласий между русской и

греческой мыслью), с учётом новизны и малоизученности в систематическом плане самого рассматриваемого вопроса.

В плане **теоретической значимости** диссертация представляет, прежде всего, широкий спектр возможностей для современной богословской мысли по дальнейшему изучению проблемы «вселенского первенства»:

- подготовленную обширную «базу» материалов,
- типологическую классификацию представителей русской богословской мысли,
- анализ (богословский, канонический и исторический) ключевых тем, имеющих отношение к данной проблеме,
- синтетическое выделение блока ключевых (базовых) позиций, аргументов, взглядов, общих для представителей различных течений в русском богословии,
- выделение «проблемных зон», ещё требующих своего дальнейшего осмысления и окончательного разрешения,
- предложение собственных конкретных теоретических решений по отдельным вопросам (например, в «примирении» 34 апостольского правила и 7 правила Антиохийского Собора).

Настоящая диссертация имеет не меньшую и **практическую значимость**. В условиях жёсткого противостояния Русской и Константинопольской Церквей (обусловленного последовательной позицией Константинопольской Церкви, имеющей черты не только канонических нарушений, но и догматических отступлений), апогеем которого стали известные «украинские события» и прекращение евхаристического общения, вопрос теоретического осмысления и обсуждения проблемы «вселенского первенства» приобретает исключительно насущный и практический характер. Этот вопрос, вкуче с другими разделами современной экумениологической проблематики (и интегрально с ними), становится без преувеличения ключевым в современном богословии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Автореферат соответствует по содержанию диссертации.

Результаты исследования отражены в изданиях, включающих 15 публикаций, входящих в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в т.ч. 9 публикаций – в светских научных изданиях перечня ВАК Минобрнауки РФ.

Заключение.

В целом диссертация протоиерея Вадима Геннадьевича Суворова «Учение о первенствующем епископе в русском православном богословии в XX веке» представляет собой завершённую научно-исследовательскую работу, выполненную автором самостоятельно, квалифицированно и на уровне, соответствующем всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, в том числе установленным пунктами 22-28 «Положения о докторских диссертационных советах в Русской Православной Церкви», утвержденного Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 13 марта 2015 г., а её автор заслуживает присуждения ему учёной степени доктора богословия по специальности «богословие».

Отзыв подготовлен кандидатом богословия, доцентом кафедры богословия РО-ДОО ВО «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви» священником М.В. Легеевым, обсуждён и утверждён на заседании кафедры богословия РО-ДОО ВО «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви» 25 декабря 2018 г., протокол № 4.

Заведующий кафедрой богословия
РО-ДОО ВО «Санкт-Петербургская
Духовная Академия Русской Православной Церкви»
кандидат богословия, доцент
священник Димитрий Лушников

св. Д. Лушников.

Подпись руки св. Д. Лушников
заверено.

Зав. кафедрой

О. Богомолов

17.01.2019.

СПО ДА